

**На границе культур и народов: феномен коми писателя
Каллистрата Жакова**

Каллистрат Фалалеевич Жаков (1866–1926) – коми-зырянин и по происхождению, и, рискну утверждать, по своему самосознанию, духовному строю, характеру творчества, которое развивалось в условиях поликультурной эпохи Серебряного века. Подобно многим своим современникам, он был незаурядным философом, пытавшимся обосновать свою философию, – Жаков назвал ее лимитизмом, автором многих философских работ, а также этнографических, филологических, наконец, просто художественных произведений. В личности К.Ф. Жакова соединились очень разные грани его духовных и жизненных интересов, он весь словно соткан из «границ» и контрастов, которые стремился расширить, преодолеть в течение жизни. Практически одновременно он занимался математикой, психологией, логикой, литературой, философией, этнографией, себя же считал сказочником и поэтом (самонаименование «Гараморт» – человек памяти, помнящий). Его адресатом была самая широкая читательская аудитория тогдашней России: в своих книгах он обращался к «просвещенным» и «культурным» народам мира. Гордясь своей принадлежностью к числу «малых народов», рассматривая их как будущее человечества в эволюционной цепочке народов мира, он писал, тем не менее, исключительно на русском языке, и уже в силу использования русского языка как языка межнационального общения проблема идентичности в случае Жакова решается непросто.

Так же непросто сложилась его судьба. Учился он в Киевском университете на естественном отделении физико-математического факультета, затем перешел на историко-фило-

логический, закончив его уже в Петербурге. В конце 1900-х гг. по приглашению В.М. Бехтерева он стал приват-доцентом логики в недавно основанном этим ученым Психоневрологическом институте, там же в 1911 г. получил звание профессора. Но, несмотря на многочисленные труды Жакова, образованные круги столицы (как писатели, так и философы) не принимали его, считая выскочкой, возможно, из-за наивно-простодушной манеры его письма, странно смотревшейся на фоне изысканных штудий современников. Неслучайно П. Домокош назвал Жакова «босьяком» коми литературы [Домокош 1993: 231]. Сам Жаков вспоминал, что профессор А.И. Введенский говорил о нем: «Гараморт – неизбежное зло в философии» [Жаков 1929: 32]. После 1917 г. Жаков оказался в Прибалтике – сначала в Латвии, затем в Эстонии. Последний период жизни был для него крайне тяжелым, исполненным труда, нищеты, болезней. Однако в Латвии стараниями его учеников были созданы «Общество лимитивной философии» и «Академия философии лимитизма», постоянно боровшиеся друг с другом за права на наследие Жакова. В СССР имя Жакова в течение долгих лет предавалось забвению, и едва ли не первая маленькая монография о нем была издана в Сыктывкаре в 1990 г. [Канев 1990]. Сейчас его наследием активно занимаются и в республике Коми – на его исторической родине, и за ее пределами. В частности, под ред. П.Ф. Лимерова не так давно вышел сборник не переиздававшихся дореволюционных произведений Жакова «Мифы Зырянского Севера» [Жаков 2016]; нового издания ждут его философские труды.

Принадлежность Жакова культурному пограничью проявлялась во всех сферах его жизни и творчества. Схематизируя и обобщая, можно выделить три основных пограничья, наиболее важных и существенных для самого Жакова и для исследователей его творчества. Это сфера (1) его личностной идентичности – в первую очередь этнической, но также и культурной, и социально-сословной, и даже географической⁴⁹; (2) философ-

⁴⁹ См. об этом нашу статью: [Созина 2006].

ско-религиозной мысли, хотя и здесь можно было бы говорить о соответствующем типе идентичности Жакова; (3) его метафизически-антропологического понимания и определения сущности своего Я и, отсюда, человека вообще – как существа, используя слово Ф.М. Достоевского, «переходного», не всецело принадлежащего земле, своему времени и своему роду-племени. Все указанные сферы самоощущения и осмысления Жакова близки друг другу, поэтому и мы будем говорить, не разделяя их; наиболее ярко его мыслящее эго проявляло себя не в отвлеченном рассуждении, а в напряженном, чрезвычайно эмоциональном переживании той или иной мысли. По сути дела, Жаков – действительно, поэт в области философии или логики, но также и философ в области литературы. Открытое, развернутое лирическое переживание сопровождается философские максимы Жакова, что позволяет относить его сознание к экзистенциальному типу, но не отменяет метафизической проблематики его мышления – как процесса и как результата.

«Я не аскет и не мещанин, не реалист также, и не идеалист. Не только религиозен, и не только атеист. О высшей гармонии небесных и земных элементов мечтаю я ежедневно. Некогда человек преодолет земной “классицизм” и небесный романтизм и поднимется до согармонического идеала реализма: в нем будут пребывать небо и земля в дружной супружеской чете. Он будет анархист, но не уничтожающий других, а влекущий к себе. В нем разум будет выше всего, но чувства не будут задавлены: страсти будут течь бурным потоком в берегах разума и чувств высоких...» [Жаков 1996: 58],

– писал Жаков в автобиографической книге «Сквозь строй жизни» (1912–1914). В этой книге-романе он предстает как человек пути, вечный странник: «Изгнанник из рая первобытной наивной жизни, брожу я по земле, странник и страдалец, гонимый повсюду ограниченными людьми» [Жаков 1996: 306]. Но в траектории его движения, долгих странствий, представленных в книге, наличествует своя логика, определяемая личностным развитием

и набиранием автобиографическим героем-рассказчиком жизненного опыта, отчего кардинально меняется система его ценностей. Из наивного простака герой превращается в человека, исполненного разочарований и сомнений, в том числе в правильности своих изначальных жизненных выборов. Этот мотив характерен для многих повестей о жизни, но жаковский герой ни в коей мере не становится скептиком или циником: простодушная вера в людей и мечтательность, тяга к прекрасному не покидают его. Сами же странствия героя имеют картографическую, пространственную привязку. В начале жизни жаковский автор-герой движется на запад и на юг: из далекой зырянской деревни Давпон вместе с земляком он плывет по рекам, идет по лесам в далекий Устюг, а оттуда в Тотьму – учиться в семинарии. Спустя время едет в университет в Киеве, а потом совершает обратное движение и как бы возвращается в Петербург, чтобы оттуда спустя годы снова вернуться на родину. Мало того – в середине жизни герой, как сам автор, предпринимает далекое путешествие на восток – в Японию, где с удивлением обнаруживает родство японского и зырянского языков. Все эти поступательные и возвратные передвижения героя (и автора) совпадают с постоянными пересечениями границ цивилизации, культуры, социума. В книге «Сквозь строй жизни» важна оппозиция «диких» северных народов и народов «культурных», чаще всего реализуемая через пространственные антитезы Запад/Восток, Север/Юг. «О юные народы, отдам душу за вас! Воспою красу вашу, вознесу вашу действительность в высшие сферы поэзии, ваши легенды и наивные сказки милого севера и востока передам дальним потомкам»; «Великие перспективы истории рисуются мне. Столкновение Азии с Европой, и Азия поднимется выше по лестнице эволюции, – а за Азией – Африка, новые красоты, новые чудеса посетят землю» [Жаков 1996: 193, 237], – пророчески писал Жаков.

Будучи человеком, одновременно принадлежащим Западу и Востоку, Европе и Азии (имея в виду не географическое, но культурное значение этих понятий), в своем творчестве Жа-

ков создает совершенно особый космос, ориентированный буквально по всем четырем сторонам света. В деревне Ипатьдор (из рассказа о детстве в сборнике «Под шум северного неба», 1913) «одна изба глядит на восток окнами, а другая на север, иная на юг или на запад» [Жаков 1990: 236]. По сторонам света ориентирован пейзаж (очерк «Ыджыдвидз» из той же книги):

...Вдали на юге видна гора, и солнце чуть поднимается над горою, а на севере за рекою еловые леса тянулись беспредельно, покрывая собою весь горизонт. <...> На полюс глядит и на холодные созвездия этот край, и угрюмо, и студено в его лесах беспредельных, в его холодных волнах спокойно текущих прозрачных рек в песчаных берегах [Жаков 1990: 218].

Вектор Север – Юг является центральным в мире, создаваемом Жаковым, а наибольшей символической значимостью обладает в этом мирокосмосе полюс севера: север *великий и прекрасный, снежный, холодный и величественный, пустынный и однообразный, бедный*, но, безусловно, *родной* и вместе с тем *далекий*. Это не точка на глобусе, а обширный край, путешествие по которому может длиться сколь угодно долго, ибо это родина, из которой автор-герой вышел и которую он стремится обрести заново. К 1905 г. относится книга Жакова «На север, в поисках за Памом Бур-Мортом», программная для его творчества, герой которой совершает путь, обратный тому, что проделал в юности: он отправляется на родину, пытаясь собрать ускользающие песни и сказания зырян о Паме Бурморте, сыне Пама Сотника, легендарного волхва и противника Стефана Пермского, в конце XIV в. осуществившего христианизацию коми-зырян.

Сначала к югу, а потом к востоку движется герой книги Пам Бур-Морт в поисках истины жизни – «к концу земли»: «Небесные знаки – созвездия неба – влекли его куда-то на светлый юг, за лесом лежащий, на берега теплых морей; и птицы показывали ему дорогу к солнцу каждую осень, летя на зиму в полуденный край с берегов холодного моря» [Жаков 1905: 133];

«на дальний юг» стремится в юности автобиографический герой-рассказчик Жакова. Южное направление – это путь, определяющий движение человека в поисках земного знания, испытания своих сил и открытия новых перспектив жизни, путь молодости, тогда как движение с юга на север – путь зрелости, путь к предкам. Восточное направление значимо своим метафизическим, сакральным значением, ибо на востоке постигаются последние смыслы миробытия, восток – это утро жизни, которая еще не началась, которая всегда впереди.

*С синеющего запада⁵⁰ шла полоса
Зеркальная вдаль к светлomu востоку,
И в ней свободно отражались небеса
И чайки белые в водах глубоких.
«Тетрадь неизвестного поэта» [Жаков 1905: 93].*

Поэтому на востоке, у «великих», «небесных» гор обретает высшее знание Пам Бур-Морт, чтобы потом нести его обратно на родной север.

Книга Жакова «На север, в поисках за Памом Бур-Мортом» объединяет разные ипостаси его личности – писателя-сказочника, поэта, философа, творца новой религии, ученого и собирателя-этнографа. Внутренним сюжетом путешествий героя является его поиск себя, своей идентичности, родовых корней, родовой и личной памяти. Уместно привести здесь высказывание Н.М. Терехихина, во многом проясняющее мотивы движения героя Жакова и самого автора:

Север распознается как запредельное инобытийное островное пространство, постижение которого возможно лишь на путях аскезы, опрощения, кенозиса, отречения от пут здешнего, посюстороннего мира. Северный путь пролегает через горизонты мифа о вечном возвращении мира и человека к своим родовым корням и истокам, к своей покинутой прародине [Терехихин 2004: 43].

⁵⁰ Здесь и далее в цитатах курсив наш – Е. С.

П.Ф. Лимеров отмечал: «...его научная экспедиция превращается в сакральное странствие на Север, на “землю предков”, а сам он, этнограф-чужак, становится неопитом, проходящим испытание» [Лимеров 2013: 251]. О внутренней сверхцели своего путешествия на север, в край предков рассказчик говорит устами своего лирического героя (автора-героя) в стихотворении «Дума», предваряющем наиболее яркие и значимые встречи его с земляками и с воспоминаниями детства, описанные в книге: «Но верен отныне я буду себе, / И буду искать я забытых богов...» [Жаков 1905: 69].

Но не одних «старых богов» ищет герой-рассказчик, в этом он схож со своим персонажем, следы которого он стремится найти, – Памом Бур-Мортом. Метасюжет книги определяется творением и изложением, т.е. воссозданием в нарративе новой религии и философии, позднее названной Жаковым лимитизмом и построенной на основе творческой переработки многих философских и религиозных систем, а потому, по его мнению, способной преодолеть крайности и односторонности всех существовавших и существующих систем мысли. Позднее Жаков писал: «Лимитизм стремится создать единую истину для земли, основанную на всем опыте человечества, т.е. на всех науках, философиях и религиях. Это будет предельная истина земли, и само слово “лимитизм” означает предельную мудрость земли» [Жаков 1929: 188]. В основе учения лимитизма лежал гносеологический принцип, помогающий снять принцип непознаваемости мира, вычитанный Жаковым у Канта и в молодости едва не приведший его к самоубийству. Это философия предела, по которой «познание <есть> переменная величина, идущая к своему пределу, к бытию» [Жаков 1917: 3], т. е. бытие познаваемо, но далеко не сразу и не всё целиком. Первовозможное, Первопотенциальное, потенциальное, реальное – такая цепочка, по Жакову, определяет строение мира; в религиозном плане он интерпретировал ее следующим образом: «Первовозможный – Бог Отец, Первопотенциал – Бог Сын, а связь и Гармония между Ними – Дух Святой» [Жаков 1929:

205]. Причем христианское вероучение в философии Жакова парадоксально соединялось с индийской философией: «Учение о Первопотенциале подтверждается философией Индии. Абсолют в двойной форме: Браман – пассивная субстанция божества. Брама – та же субстанция, но творящая. <...> Он вспоминает прежнее – и здесь начало творения» [Жаков 1929: 81]. «Из Первовозможного рождается Первопотенциал; из Первопотенциала возникают потенциалы; из потенциалов – реальности. Реальности вновь превращаются в потенциалы; потенциалы в Первопотенциал, а Первопотенциал воссоединяется с Первовозможным. Это цикл мировой» [Жаков 1929: 87]. Познание же человека идет в обратном направлении – от реального к потенциальному и т.д. Таким образом, остро реагируя на существующие в мире границы и зоны пограничья, Жаков и в области философии и религии стремился к их преодолению и снятию, полагая, что «цель лимитизма создать всемирный духовный союз добрых, постигающих и знание, и откровение» [Жаков 1929: 183], рассматривая свое учение как «медиальное (срединное) миропонимание» [Жаков 1929: 155].

Важно отметить, что эти теоретические выкладки рождались у Жакова в художественной форме или, по крайней мере, первоначально имели форму поэтическую, художественную. В философских работах о лимитизме Жаков дает свое новое учение как готовую истину, продуманную и неоднократно осмысленную, в книге же о Паме Бур-Морте новая религия усиленно ищется и обретается, она как бы создается на наших глазах, точнее, она передается из уст в уста – от учителя к ученику. Своего рода диалогический принцип, принцип общения и передачи знания положен в основу всей сюжетики этой книги, и само взаимодействие первоначал мира дано в ней как взаимодействие поэтических образов, каждый из которых воплощает одну из ипостасей семейного союза.

Книга довольно сложно построена. Вслед за циклом прозаических новелл, отражающих этапы путешествия героя и на-

званных обычно по именам северных деревень, через которые он следует, идет стихотворный цикл «Тетрадь неизвестного поэта», отмечается что саму «тетрадь» герой нашел в одной из деревень; затем вновь прозаические тексты, среди них – «На Печоре. (Предание о Паме)» и «Жизнь Пама-Бурморта». Именно здесь герою-рассказчику, углубившемуся в дебри родины, наконец открывается сокровенное знание, которого он стремился достичь. Оно запечатлено в рассказе о путешествии Бурморта и его открытиях, а также в еще одном стихотворном цикле «Песни и думы Пама Бур-Морта», завершающем книгу. Это философская поэзия, где лирическая форма служит предельно эмоциональному, личному выражению уже не физического, но чисто ментального, духовного пути героя.

Два стихотворения из цикла были опубликованы в известном издании символистов «Зеленый сборник стихов и прозы» [Жаков 1905а] и вызвали одобрительную реакцию Александра Блока, похвалившего Жакова за яркость пантеистических образов [Блок 1905]. «Моя сущность и Твоя – одно; / Я – удивление Твое перед Тобой, / Твои слова, Твое сердце... / <...> Моя песня – довлеет себе. Эта песня – Твоя. / Я – Ты, я слушаю песни мои...» [Жаков 1905а: 54–55], – так был выражен поэтический, песнетворческий пантеизм Жакова. Природа/вещество/материя в его стихотворении поет и плачет устами человека. Но их единство и родство не дарят гармонии – поэт жаждет слова, чтобы «перелить» из своей души «в другие сердца Мечты, до дна волнующие душу мою» [Жаков 1905а: 55], чтобы по имени назвать Вселенную. Из лирико-философской медитации рождается напряженный лирический монолог героя-странника, испытателя, поэта, души страждущей и взыскующей. В стихотворении возникает космическая картина Вселенной, полной «неведомых существ, / Дышащих жизнью и светом...» [Жаков 1905а: 56]. Поэтическими символами постижения Вселенной и ее самой выступают образы реки познания – реки жизни, шатра / хра-

ма мира, мирового древа / плаща Парабрамы⁵¹. Сама Вселенная предстает в виде «неведомого дерева» – дерева Парабрамы. П.Ф. Лимеров отмечал, что Парабрама на языке Жакова – это Брахман или Брахма, в индуизме есть образ дерева-Брахмы, оно же Вселенная [Лимеров 2013: 255], и, как указали мы выше, эти образы позднее вольются в учение Жакова о лимитизме.

Чрезвычайно интересно стихотворение «О Дух мира!», третье по счету, опубликованное в составе цикла «Песни и думы Пама Бур-Морта» в книге о путешествии на Север. Весь цикл вдохновлен познанием и поиском Бога, а вместе с тем и самого себя, и души всей природы, ибо мир и его Творец постигаются автором-героем Жакова в единстве с познанием собственной души. Отсюда, его лирический герой и есть Дух мира, монолог которого составляет содержание стихотворения: «Нет мне жизни, нет мне и смерти, / Я вечен, я – Бог, я страдаю бесконечно! / Я – дух мира, и только я сам / Могу дать ответы на мои вопросы!» [Жаков 1905: 153]. В плане литературной традиции он напоминает лермонтовского Демона, но в нем просвечивает и архетип Прометея («Тогда я занялся устройством жизни земной...»), и Адама – ибо он первочеловек, «независим и свободен» [Жаков 1905: 153]. Однако осознание того, что «Все во мне и я все» не дает ему счастья и гармонии, а значит, теряется и смысл творения – возникает мотив одиночества, жажды *Другого*: «Если бы еще другой, дух, подобный мне / Был на земле, счастье осенило бы нас?!» [Жаков 1905: 154]; «Но там кто за Бесконечностью? / Я почувствовал Его бытие...» – вызывает герой-Дух. «И откликнулся Он! Мой отец! <...> Ты вечен, вечен и Я. Сын и отец! / И любовь между ними!» [Жаков 1905: 154].

Здесь требуется небольшой комментарий. В новелле о Паме Бур-Морте, вошедшей в состав книги, Пам ищет и находит отца, Пан-сотника (который и вел диспут со Стефаном Пермским, был им побежден, после чего скрылся в далеких сибирских лесах), а в процессе поиска обретает нескольких учите-

⁵¹ См. об этом [Созина 2015].

лей, из которых последний, индийский, оказывается истинным. Кроме того, исходный герой-рассказчик путешествует по северу тоже в поисках следов Пама, ощущая его как своего *духовного отца*. Отсюда можно заключить, что мотив поиска отца, мотив сыновства, крайне важный для русской литературы особенно во второй половине XIX в. (можно вспомнить произведения Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова и др.), является центральным и для Жакова. Он рассказывает об отце в автобиографическом романе «Сквозь строй жизни», в рассказах «Жизнь Фалалея» и «Пильвань» из книги «Под шум северного ветра» отец остается для него вечно искомым, вечно желанным и до конца не обретаемым собеседником, источником покоя и защиты.

Представляется, что в столь часто акцентируемой Жаковым насущной необходимости отеческого, родного и родственного ему начала, да даже в его личных поисках родной души и спутницы жизни (а Жаков был женат не один раз), проявляется некая особенность финно-угорского сознания и мышления, скорее даже, мирочувствия. В православно-русском сознании есть понятие «соборность», на эмпирическом уровне выражающаяся в «социабельности», о которой писал Н.А. Бердяев, коллективизме или стремлении русских людей к «кучкованию», к тому, чтобы все важные дела совершать «миром». В финно-угорском, как пишет Дьёрдь Кадар со ссылкой на Ш. Карачоня и др., очень важен паратактический (сопоставительный) способ связи единиц языка, явлений действительности и субъектов друг с другом. Исследователь утверждает: «Финно-угорский человек... в одиночку не образует целого без своей недостающей половинки»; «...если по мнению индоевропейских народов каждый человек – автономная личность, что-то целое... то, согласно жизненным принципам финно-угорских народов, чья-то жизнь получает смысл, человеческую значимость только в единстве с жизнью своей второй “половины”» [Кадар 2006: 97, 101]. Этот семейственный, родственный принцип (возможно, связанный также с семейно-родовыми отношениями в традиционных обществах

и культурах)⁵² и реализуется в произведениях Жакова. Его герой, представленный в самых разнообразных обликах, возвращается к отцу, обретая благодаря этому «Блаженство, ни с чем несравнимое / ...чувствуя Друга духа, / Скрытого в недрах природы!» [Жаков 1905: 154]. Само возвращение означает вместе с тем восстановление мира, обретение времени, ибо в одиночестве героя «Жизнь прекратилась! / Погасли глаза мира – звезды небесные <...> И времени не стало... прервались все нити бытия» [Жаков 1905: 156]. Восстановление целостности мира, возрождение жизни, всего бытия и самого времени происходит через воссоединение с другим – с Отцом, как в упомянутом стихотворении «О дух мира», с *неким*, не имеющим имени и конкретного определения, как в следующем стихотворении цикла «Его искал я долго». Вне другого мир – пустыня («Пески пустыни покрыли меня»), «Смерть, небытие... ничего нет...» [Жаков 1905: 156]. Лишь с появлением «его» возрождается жизнь во Вселенной и в душе лирического Я Жакова, Духа мира: «Как восходящее солнце отражается / В капле бурного водопада. / В душе моей заиграл луч / Иного Восходящего Солнца <...> Он тут со мною! Теплом и любовью / Дышит прекрасная природа» [Жаков 1905: 157].

Восстановление-возобновление мира, происходящее благодаря возвращению героя стихотворения Жакова к своему Отцу, согласуется с древним мифом о «вечном возвращении» (как обозначил его М. Элиаде). Рассматривая заговорную символику в мифологии удмуртов – народа той же финно-угорской группы, что и коми, Т.Г. Владыкина указывает: «Зрительно воспринимаемые космические тела: солнце, месяц/луна, звезды движутся

⁵² Согласно исследованию известного этнографа, профессора В.П. Налимова, характер коми и тип их отношений между собой во многом был определен образом жизни: «Своеобразная лесная жизнь создает определенные взаимоотношения между людьми. Здесь все основано на взаимном доверии и уважении прав другого человека. Совершенно нет государственных законов, регулирующих эту жизнь... Население выработало здесь определенное мировоззрение, которое можно назвать “религией без бога” или “религией социальной солидарности”» [Налимов 1924: 48].

от состояния видимого объекта к невидимому, то есть к “обнулению-умиранию”, и снова – к видимому. Происходит процесс самовозрождения/восстановления целостности космических объектов через *воз-вращение* (букв.: оборачивание <вокруг себя>)» [Владыкина 2018: 51]. Причем в самом глаголе «бертыны» (возвращаться <к исходному пункту>), обычно используемом в заговорных формулах, «имплицитно просматриваются представления о “домах” космических тел, которые не мыслятся без присутствия “матерей”, дающих новую энергию для жизни, для “возвращения-восстановления”» [Владыкина 2018: 53]. Зачастую в заговорах обращаются не к «матерям», а к Кылдысину, а это «Бог-Творец, один из триады верховных божеств наряду с Инмаром и Куазем, сохранивший синкретическое единство женского и мужского начала и отвечающий за деторождение» [Владыкина 2018: 54]. Исцеление же больного, по мифологической логике заговора (а в мифе, напоминаем, действует безусловная аналогия микро и макрокосма), происходит путем движения – через «незримое присутствие “дорог”», по которым «передвигаются и космические объекты, и болезни / духи болезней» [Владыкина 2018: 54]. Таким образом, специфика мироощущения и сама картина мира в стихотворном цикле Жакова таковы, что позволяют говорить о связи с архаическим мифологическим сознанием представленного в финно-угорской версии мифа. Одиночество и страдания покинутого автора-героя поэта сродни болезни, от которой и его, и весь мир излечивает возвращение Отца – «ярко-сияющего солнца» («И чувствую, что Он тут. / Он греет меня лучами ярко-сияющего солнца» [Жаков 1905: 157]).

Говоря о диалогически-соучастном, семейно-родственном принципе мирозерцания финно-угров, Дьёрдь Кадар приводит ряд показательных примеров из литературы, и, исходя из его подборки, стихи из цикла Жакова могут быть сопоставлены с известным стихотворением венгерского поэта Эндре Ади (1877–1919) «Szeretném ha szeretnének» («Я хочу быть любимым»). Поэты жили в один исторический период, и, хотя Эндре

Ади по лирическому пафосу близок скорее другим русским поэтам-символистам, в частности, А. Блоку⁵³, но именно это стихотворение позволяет нам говорить о некоторой общности Ади и Жакова, связанной с общим типом не столько даже индивидуально-поэтического, сколько этнолирического сознания. Приведем стихотворение Ади в двух переводах. Один принадлежит Натэлле Горской и дан в книге Кадара, другой любезно представлен нам Жужой Хетени и выполнен ею самой.

Я – не прашур и не потомок,
Я – не родич и не знакомый:
Ни для кого никто,
Ни для кого никто.

Всем чужой, хоть и схожий со всеми,
Я – величество, тайна, север,
Неуловимый свет.
Неуловимый свет.

Мне себя бы переиначить –
Стать таким, чтобы каждый зрячий
Сразу узрел меня,
Сразу узрел меня.

Все терзанья мои, все гимны –
Для того, чтобы стать любимым,
Чьим-то, хоть чьим-то стать,
Чьим-то, хоть чьим-то стать.

(пер. Натэллы Горской) [Кадар 2006: 117–118]

Ни наследником, ни предком,
Ни родным, ни знакомым
Я ни у кого не считаюсь,
Я ни у кого не считаюсь.

⁵³ «Поэзия Ади — это серебро с чернью: лирика с той трагической оттененностью, той вещей тревогой, которая ощутима у Блока; с теми глубокими сомнениями, опасениями и неудовлетворенностью, которые роднят отчасти Ади с другими его современниками: немецкими экспрессионистами», — пишет О. Россиянов [Ади 2002: 230].

Я, как все люди, величество,
Северный полюс, чужость, таинство,
Призрачный, далекий свет
Призрачный, далекий свет.

О, но так остаться я не могу,
Я себя показать хочу,
Чтобы все видя видели,
Чтобы все видя видели.

Вот почему все это: самотерзанье, песни,
Я хотел бы быть любимым,
Быть чьим-нибудь,
Быть чьим-нибудь.

(пер. Жужи Хетени)

Взывание Ади, идущее словно из «ниоткуда» («величество, тайна, север, неуловимый свет» / «призрачный далекий свет»), из неотмеченного пространства небытия, отчетливо напоминает заговорную поэзию и побуждает сравнить со строфами из стихотворения Жакова:

На краю пустыни я жил
В бедной келейке своей
И думал, что небытие лучше жизни земной.
Пески пустыни покрыли меня,
И ветер пел надгробные песни свои...

<...>

Но вот тихий шепот услышал я:
«Все умерло, но живо сердце одно».
Да, жило сердце мое, сердце мира,
И светлело внутри его.

<...>

Я открыл глаза... Он здесь!
Я чувствую Его!
Идите ко мне, я научу вас плакать...

<...>

Мы тоже создаем пространство,
И время, и вещи, и законы.
Мы – сущность,
Вы – сущность,
Идите ко мне...

Вы не верите мне, качаете головою?
Я и сам иногда не верю себе
И слезы лью, горькие слезы... [Жаков 1905: 156–159]

Стихи Жакова космологичны, это метафизическая лирика – не случаен выбор поэтом соответствующей метрической формы, верлибров, но лирика, проникнутая искренним переживанием, напряженным поиском другого «я», отчаянной надеждой и восторгом обретения. Стихи Ади более камерны, они идут из сердцевины «уединенного сознания» поэта, чьи чувства таятся в непостижимой глубине его «я» («призрачный, далекий свет»), но и он жаждет существования рядом с ним Другого, и эта жажда рождает выход из замкнутого пространства, а с ним и возможность иной, потрясающе новой реализации своей личности.

Дьёрдь Кадар пишет: «Значит, если индоевропейский художник мечтает (единственно) о своем бессмертии, то финно-угорский художник стремится освободиться от своей бесформенности, чтобы сделаться более живым, жизнеспособным, и делает это, разыскивая себе товарищей, с которыми можно связаться, с которыми (пусть на время) может стать единым “целым”, так как для него в этом смысл жизни» [Кадар 2006: 120]. Приведя другие стихотворения Ади («Afekezetongora» («Черный рояль»), «Százhuségü hűség») («Сто верных привязанностей»), ученый отмечает своего рода коммуникативную направленность художника финно-угра: «...финно-угорский художник – прежде всего результат соотношения между ним самим и его публикой, которое осуществимо лишь посредством произведений, с их помощью. <...> Ни одну из этих сторон невозможно представить без другой» [Кадар 2006: 120, 122].

Возможно, поэтому для европейского сознания и стала когда-то таким открытием философия М.М. Бахтина, а с ним и других философов-диалогистов XX в., что поиск *Другого*, стремление избыть свое одиночество и свою «бесформенность», ориентация культуры на конвергентный тип сознания (В.И. Тюпа), – все то, что естественно и органично для финно-угорского типа сознания, «индоевропейцам» (как именует их Кадар, отличая от финно-угров) изначально было не очень свойственно.

Жаков никогда не забывал о своей родине и о своем народе. «И вот теперь опять мечтою моею я между твоими сосновыми избушками, снова переживаю мое детство. <...> Любезные дети севера! И на иных мирах не забуду я вас, ваши образы питают мою душу, очищают мой темнеющий разум, омывают затемненный мир в моих глазах и покрывают его свежими красками» [Жаков 1996: 25]. В автобиографическом романе «Сквозь строй жизни» он не раз обращается к разным лицам и фигурам из прошлого и воссоздает мифологический образ сказочника Каликаритто, воплощающий, по словам исследовательницы, «архетип коллективного бессознательного, персонификацию скрытых в хаотичности “культурной” жизни автора животворящих потенций коми-зырянской культуры» [Мелехина 2009: 174]. В 1916 г. Жаков пишет книгу «Биармия», где реконструирует эпос коми и других северных народов. Нарративная структура «Биармии» диалогична, автор-повествователь представляет в тексте книги своего двойника – комиморта, сказочника и туна-волшебника, который поет священные песни «старины певуче-громкой». В финале поэмы песнопевцем становится ее герой – князь Яур, записывающий на дощечках «Все деянья светлой Райды, / Дочери Оксора чудной» [Жаков 1993: 186], т.е. всю вереницу событий истории своего народа. Таким образом, и свое творчество, и самого себя Каллистрат Жаков видел словно в единой семье, в одном ряду с творениями легендарных летописцев, сказочников и песнопевцев родного Севера, традиции которых он стремился передать в будущее.

Литература

Ади Э. Стихи / пер. с венг. и предисл. О. Россиянова // Иностранная литература. 2002. № 11. С. 229–230.

Блок А. Зеленый сборник. Стихи и проза. Кн. изд-во «Щелканово». СПб. 1905 г. // Вопросы жизни. 1905. № 7. С. 215–216.

Владыкина Т.Г. Удмуртский фольклорный миротекст: образ, символ, ритуал. Ижевск, 2018.

Домокош П. Формирование литератур малых уральских народов / пер. с венг. Йошкар-Ола, 1993.

Жаков К.Ф. На север, в поисках за Памом Бур-Мортом. СПб., 1905.

Жаков К. Песни Пама-Бур-Морта // Зеленый сборник стихов и прозы. СПб., 1905 а. С. 53–56.

Жаков К. Лимитизм: первая лекция. Валк, 1917.

Жаков К.Ф. Лимитизм. Рига, 1929.

Жаков К.Ф. Под шум северного ветра. Рассказы, очерки, сказки и предания / сост., вступ. ст. и комм. А. И. Туркина. Сыктывкар, 1990.

Жаков К.Ф. Биармия: коми литературный эпос / сост., предисл., коммент. А.К. Микушева. Сыктывкар, 1993.

Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни: роман. Сыктывкар, 1996.

Жаков К.Ф. Мифы Зырянского Севера / сост. и предисловие П.Ф. Лимеров. Сыктывкар, 2016.

Кадар Д. Контуры уральской философии. М., 2006.

Канев С.Н. Каллистрат Жаков: Жизнь и судьба. Сыктывкар, 1990.

Лимеров П.Ф. Репрезентация религиозно-философских взглядов К.Ф. Жакова в книге «На север, в поисках за Памом Бур-Мортом» // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Вып 7: Литература и история – грани единого (к проблеме междисциплинарных связей): в 2 томах. / Институт истории и археологии УрО РАН. Т. 2. Екатеринбург, 2013. С. 251–260.

Мелехина М.Б. «Зырянский текст» К.Ф. Жакова: постановка вопроса // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. Т. 3. Вып. 4. С. 171–175.

Налимов В.П. К этнологии Коми. (Наброски) // Коми му. 1924. № 3. С. 43–50.

Созина Е.К. Риторика идентичности в книге Каллистрата Жакова «Сквозь строй жизни» // Литература Урала: история и современность: сб. статей. Вып. 2. Материалы Всерос. науч. конференции «Литература Урала: проблема региональной идентичности и развитие художественной традиции», Екатеринбург, 5–7 окт. 2006 г. Екатеринбург, 2006. С. 103–117.

Созина Е.К. «Вечные» образы в творческой интерпретации «зырянского Фауста» Каллистрата Жакова // «Вечные» сюжеты и образы в литературе и искусстве русского модернизма / отв. ред. член-корр. РАН А.Л. Топорков. М., 2015. С. 220–237.

Теребихин Н.М. Метафизика Севера: монография. Архангельск, 2004.

Аннотация

В статье рассматривается творчество коми писателя, философа, ученого эпохи Серебряного века Каллистрата Жакова (1866–1926), создателя оригинального философского учения о лимитизме, автора коми литературного эпоса «Биармия» и других произведений. На протяжении творческого пути для Жакова была актуальна проблема личной и общенациональной, этнокультурной идентичности, он всю жизнь стремился к преодолению границ между народами и их культурами, четко осознавая свою собственную пограничность и медиальность. Эта проблематика освещается на материале книг Жакова «Сквозь строй жизни» и «На север, в поисках за Памом Бур-Мортом». В цикле «Песни и думы Пама Бур-Морта» (из последней книги) выделяется диалогически-соучастный, семейно-родственный принцип мирозерцания, свойственный, как писал Дьёрдь Кадар, фин-

но-угорским народам. Исходя из этого, выдвигается предположение о некоторой близости художественного сознания Жакова и венгерского поэта той же эпохи Эндре Ади (стихотворение Ади «Szeretném ha szeretnének» («Я хочу быть любимым»)).

Ключевые слова: Каллистрат Жаков, пограничность сознания и культуры, проблема идентичности, книга «На север, в поисках за Памом Бур-Мортом», метафизическая лирика, Эндре Ади.

Summary

Elena Sozina

On the Border of Cultures and Peoples: the Case of the Komi writer Callistrat Zhakov

The essay examines the work of Kailstrat Zhakov (1866-1926), a Komi writer, philosopher, and a scholar of the so-called Silver Age in the Russian literary history. He was the author of an original philosophical study of limitism as well as a Komi literary epos “Biarmia” and other works. For Zhakov, the problem of personal, social, national, and ethnocultural identity was relevant at all stages of his literary career; all his life, he was trying to cross boundaries between peoples and cultures, albeit aware of his own liminality and mediality. The chapter discusses the identity problem discussed in his books “Through the Life’s Order” and “To the North, in the Search of Pam Bour-Mort”. In the series, “Songs and Thought of Pam Bour-Mort” (the last book), we encounter a dialogical-engaging and family-kindred type of worldview that is peculiar, according to György Kadar, to Finno-Ugric people. Based on this observation, I draw parallels and discover some similarities between Zhakov and Hungarian poet Andre Adi (a poem “Szeretném ha szeretnének” [I want to be loved]).

Keywords: Kallistrat Zhakov, liminality of consciousness and culture, identity problem, a book “To the North, in the Search of Pam Bour-Mort”, metaphysical poetry, Andre Adi.